

ВОКЗАЛ

Не изменив привычке старой,
Куплю заранее билет —
В субботу после третьей пары
Меня не жди, простыл мой след.

Сойду с троллейбусной подножки,
Поправлю сумку на плече
И затеряюсь в заполошной
Вокзальной пестрой толчее,

Где люди, словно в униформу,
Одеты в спешку, суету,
Где над заплыванной платформой
Снег вьется, тая на лету.

Где в обогнавшем четкий график
Ночном автобусе, увы,
Нет ни имен, ни биографий —
Лишь параллельные миры,

Лишь тел случайное соседство,
Что память вряд ли сохранит.
Лишь номер транспортного средства,
И тот под слоем грязи скрыт.

АВТОБУС

Как врезалось в память: моя остановка — и вот он,
Автобусный улей, рязанский центральный вокзал.
Стареющий хит «It's my life» в сотый раз перемотан
И рвется в мороз из палатки торговой. И в зал,

От грузных баулов скривившись, бредут пассажиры
И маются, бедные, на деревянной скамье...
Но — объявление рейса, посадка, и цепкие шины
Печатают ромбы на тоненькой снежной кайме.

И вот уж сливается с ночью последний автобус,
Как чахлый декабрьский день устремляется вдаль.
Так было до нас и так будет: вращается глобус,
И оживают в душе древнерусская лень и печаль.

Дрожим от мороза — дождемся и таянья снега,
И грязных обочин, и брызг на стекле лобовом.
Ведь альфа — начало, конечная точка — омега,
Учи алфавит и не думай, что будет потом.

Ксеноновый конус — уверенный, ровный — фатально
Бежит впереди по асфальтовой ленте, и свет —
Он словно живой — дальноточкой включается дальний,
Когда путь свободен, и встречного транспорта нет.

Водитель-флегматик в дорогу припас пачку «Явы».
Одна сигарета, другая — сжимается срок
И этого рейса. Нет в мире сильнее отравы,
Чем знать: есть конец у любой, у любой из дорог.

С блестящей подножки безвольно шагну в непогоду,
И, отвернувшись от ветра, скупой подниму воротник,
Забуду шальную, наивную птицу-свободу
В салоне автобуса: слишком уж мал золотник.

Лишь чуткому сердцу сквозь мерно плывущие звуки
Откроется скрытый от гордого глаза подвох:
В потертом салоне, свидетеле горькой разлуки,
Иные в ловушке, а кто-то свободен, как бог.

ИДТИ

Когда слова, как струи дождевые,
Упруго хлещут в темя и виски,
Глазные склеры — донья жестяные —
Вибрируют и стонут от тоски.

Когда, влипая в сплетни и уловки,
Душа летит в отчаянном пике,
То хочется идти без остановки.
Без спутников. Без мыслей. Налегке.

Идти куда-то, пряча под одеждой
От словоизлияний оберег,
Идти и слушать ветер — без надежды
На быстрый исцеляющий эффект.

Идти, меняя долгий шаг на drobный,
Подхваченный в сезонной суете,
К такой желанной, неправдоподобной,
Увы, недостижимой простоте.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Шторы призрачная жуть —
Не забыться, не заснуть.
Странная затея это —
Белой ночью ждать рассвета.
Резкости дневной лишен
Переход из тона в тон.
Этот мир в полночной встрече
Так наивен и доверчив.
Откровение для глаз —
Видеть, словно в первый раз,
Как в парной белесой пене
Ночь раскладывает тени.
Вот бы сквозь капрона муть
Выпытать у мира суть
Мудрых черно-белых масок
В час триумфа серых красок.
Знаем точно только днем,
Кто мы и зачем живем,
И заснуть стремимся рано —
Прочь из вязкого тумана!
Почему ж всегда готов
Дух из сумеречных снов
Наслаждаться сладкой болью
От неясности цветов?..

ЖЕНСКОЕ

Память пальцам освежу —
Шарфик милому свяжу.
Склеится, не склеится —
Пусть мой милый греется.

За излишком не гонюсь:
Там, где голо, подстелюсь.
Разве я не умница?
Стерпится да слюбится.

Не брильянтов я хочу,
А того, что по плечу:
Редкой бабьей радости
Да уютной старости.

Только глупо чуда ждать:
Не свое — не удержать.
Склеилось? Не склеилось.
Незаметно и легко
Размотавшимся клубком
По ветру развеялось.